

Луи снова вошел в зал Национального собрания, на этот раз в сопровождении Жака Неккера.

Как только Луи занял свое место, Жак поднялся на трибуну и выступил перед членами Национального собрания: «Статья 1: Полное разделение между собственностью Королевства Франции и частной собственностью Бурбонов, причем обе стороны отныне обязуются не нарушать права собственности друг друга. Также принят закон о неприкосновенности частной собственности любого физического лица.

Статья 2: Создание кабинета под руководством премьер-министра, которому Королевская семья Бурбонов делегирует управление Королевством Франция. Премьер-министр избирается Национальным собранием и одобряется королем. Члены кабинета министров и члены парламента не могут занимать обе должности.

Статья 3: Учреждается ежедневная газета «Журналь де Франс» для записи, сопоставления и публикации протоколов всех выступлений Национального собрания и соответствующего опубликования их для всего народа Франции; управление «Журналь де Франс» осуществляется совместно представителями, направленными Короной и Национальным собранием».

В отступление от своих обычных пространственных речей в парламенте, Жак зачитал вслух три коротких предложения.

Луи знал, что французы XVIII века еще не познали сути парламентской борьбы более позднего времени и не знали пословицы о том, что дьявол кроется в деталях.

Национальное собрание этой эпохи больше напоминало большой ораторский конкурс, а французский народ любил леденящие кровь речи и зажигательные лозунги. Им не нравились скучные цифры и сухой жаргон профессиональных партий.

Когда Жак закончил свое чтение, сначала наступила мёртвая тишина, а затем члены совета начали разговаривать друг с другом, переходя от шепота к горячим обсуждениям.

Похоже, что предложение лорда-казначая произвело сильное впечатление на советников.

Верно и то, что с момента своего создания Национальное собрание вообще не имело четкой политической цели, кроме противодействия феодальным обязательствам и повышению налогов короной. У них не было роскоши получить в свои руки власть короля, чтобы управлять Королевством Франция сейчас, и именно потому, что они получали так мало, они смогли сейчас так сплотиться.

Только после взятия Бастилии, символа королевской власти, 14 июля 1789 года амбиции Национального собрания начали раздуваться.

Но в действительности Национальное собрание не было способно решить внутренние проблемы Франции и могло лишь вызвать ненависть народа к Людовику XVI и заручиться поддержкой людей, возбуждая ненависть и ко всей королевской семье.

Только после того, как они отрубили голову Людовику XVI, они поняли, что им больше некого винить.

В этот момент члены совета могли только поднять свои мясницкие ножи и рубить друг друга, и революция рухнула бы сама собой.

Один молодой советник встал, громко задавал вопрос: «Я хотел бы знать, является ли Версаль

под нашими ногами и различные дворцы в городе Париже собственностью Бурбонов?».

После его слов советники замолчали.

Находившийся рядом слуга сказал Луи, что это Максимильен Робеспьер.

Луи сразу же посмотрел на Робеспьера широко раскрытыми глазами, на человека, который собирался убить всю его семью, который не был высоким или крепким, а скорее выглядел немного худощавым, без тени выражения на лице, который производил впечатление безобидного человека.

«Нет, Версаль и различные дворцы в Париже являются собственностью Королевства Франции, но королевская семья имеет право пользоваться вышеуказанными дворцами». — Казначей объяснил.

«А как насчет метода избрания премьер-министра?». — Этот вопрос задавал маркиз де Кондорсе.

«Обсудить решение и сформировать текст закона должна сама Национальная Ассамблея». — Казначей продолжил объяснение.

«Каковы полномочия руководства «Журналь де Франс», которое управляется совместно представителями Короны и Национального собрания?». — Вопрос задал Мирабо.

«Полномочия руководства — это право публиковать обсуждения Национального собрания, право цензурировать обсуждения Национального собрания, право назначать и увольнять главного редактора газеты». — ответил казначей.

Хотя несколько членов совета продолжали задавать вопросы, большинство из них уже не интересовались вопросами, и было ясно, что они уже обсуждают возможность получения места для себя в будущем кабинете министров.

«Ваше Высочество наследный принц, я хотел бы задать вам вопрос». — но внезапно Робеспьера начал переводить стрелки и обратился напрямую к Луи: «Итак, когда кабинет министров будет создан, король распустит Национальное собрание?».

Луи подумал про себя, что Робеспьер действительно достоин звания «мясника», и что он уже присматривается к королевской семье.

«Если Национальное собрание будет распущено, то кто будет контролировать работу кабинета министров?». — спросил в ответ Луи.

Но почему парламентарии в зале странно смотрели на него: «Члены Национального собрания назначаются сроком на один год, Ваше Высочество».

Улыбнувшись, маркиз де Лафайет облегчил положение Луи.

«Тогда как насчет того, чтобы Национальное собрание обсудило вопрос о создании постоянного собрания, как насчет того, чтобы назвать его Учредительным собранием?». — Луи снова говорил невпопад.

«Это означает, что Ваше Высочество согласен сформулировать новую конституцию?». — Один из членов парламента спросили.

«Конечно, Франция нуждается в вашей проницательности». — Луи начал покровительствовать им: «У меня к вам просьба, я хочу попросить разрешения присоединиться к вам как к представителю французского народа, чтобы я мог выслушать вашу мудрость в управлении страной».

Луи хотел воспользоваться возможностью получить амулет члена собрания. Хотя статус члена Национального собрания не гарантировал им их жизни в поздней революции, в дореволюционный период знак члена Национального собрания был очень даже ценен.

Было очевидно, что сегодняшние королевские предложения пришлись по вкусу Третьему сословию, и как три королевских предложения, так и членство Луи в Национальном собрании были одобрены со значительным перевесом голосов.

В этом голосовании Луи также увидел слабость и бессилие советников первого и второго сословия. Теперь казалось, что Короне придется продать первый и второй классы, прежде чем Корона окажется той, кого предадут.

Приняв королевское предложение, советники решили обсудить суть трех предложений с завтрашнего дня, и Луи вздохнул с огромным облегчением, что, поскольку Национальному собранию есть чем заняться, оно пока что не направит свои противоречия на всю французскую иерархию, как это было в истории.

Луи подумал про себя, что пора заняться решением проблемы Бастилии и голодающих жителей Парижа.

Хотя путь впереди был трудным, казалось, что первые лучи солнца уже сияют.

После того как Национальное собрание закончило свою сессию, несколько советников подошли к Луи, чтобы выразить свою добрую волю, а некоторые даже пригласили его в Бретонский клуб.

Во время беседы с маркизом де Лафайетом Луи наконец узнал, что Бретонский клуб стал тем самым Якобинским клубом, хотя Конституционалисты и Жирондисты еще не отделились, и поэтому Бретонский клуб был теперь одной из самых влиятельных свободных групп в Национальном собрании.

Луи хотел разрушить политический союз Бретанского клуба, который был рыхлой политической организацией, но никакая рыхлая организация не могла сравниться с первой и второй шеренгами, и важность организации была прямо заявлена в начале управления проектами XXI века, где организация была решающим фактором успеха проекта.

Луи, человек с современной душой, понимал силу организации лучше, чем кто-либо другой в XVIII веке.

Тогда Луи попросил маркиза де Лафайета отвезти его посмотреть этот клуб, и Лафайет сказал, что сообщит Луи, когда договорится о времени.

Лафайет также сообщил Луи, что он уже нашел человека, знакомого с географией Америки.

Бертье, бывший офицер французской армии, сражался в американской войне за независимость под командованием графа де Рошамбо. Луи и маркиз де Лафайет договорились встретиться с

Бертъе завтра днем.

Лафайет добавил, что Томас Джефферсон, американский посланник во Франции, хотел бы встретиться с Луи как можно скорее, так как сам он скоро вернется в Соединенные Штаты, чтобы отчитаться о своей работе.

После прощания с Лафайетом Мирабо подошел поприветствовать Луи и сказал, что хотел бы как-нибудь встретиться с ним наедине. Луи согласился.

Епископ Талейран, которого он встретил на балу, также подошел поприветствовать Луи, который затем пригласил епископа Талейрана прогуляться с ним.

«Что вам нужно, Дофин?». — Вдруг епископ Талейран спросил Луи.

«Ваша Светлость, как вы думаете, какова ситуация во Франции в настоящее время?». — Луи на мгновение задумался и, не ответив епископу Талейрану, сам задал вопрос.

«Французские дворяне сейчас расточительны, а правительство погрязло в долгах. Низшие классы голодают и не могут есть даже хлеб. А представители третьего сословия в Национальном собрании подстрекают народ к восстанию против тираний короны. Вообще, правление Бурбонов пошатнулось, Ваше Высочество».

Епископ Талейран посмотрел на Луи и прямо сказал.

Это был понимающий человек, которого Луи первым увидел среди знати с тех пор, как «проснулся» тут.

«Могу ли я доверять вам, епископ?». — спросил Луи, глядя другому мужчине прямо в глаза.

Если бы Луи больше читал в своей прошлой жизни, он бы знал, услышав имя Талейрана, что это человек, которому никогда нельзя доверять, ведь он тот, кто предал свое государство 5 раз подряд.

Шарль Морис Талейран, хоть и молчаливый и незаметный, был самым опасным «заговорщиком» и «мятежником» Французской революции, ибо был гораздо умнее и хитрее остальных.

<http://tl.rulate.ru/book/71880/1975971>